

О. Таглина

Илья Репин

Илья Ефимович Репин относится к тем известным живописцам, чьи картины приходят в нашу жизнь с детства. Он был художником от Бога, художником по судьбе, художником по призванию. Когда-то одна из его учениц спросила: «Довольны ли вы, Илья Ефимович, что вы художник, и если бы возвратилось ваше юное время, пошли ли бы опять по дороге художников?» Репин ответил: «Я так доволен и рад, что если бы мне давали генерала, нет, что — митрополита, нет — министра, нет — в ад или в рай, я бы захотел быть художником...»

Но жизнь его не была легкой и гладкой, ему многое пришлось пережить, он знал о тяготах и невзгодах не понаслышке.

Родился Илья Ефимович Репин 24 июля 1844 года в городе Чугуеве Харьковской губернии, в семье военного поселенца Ефима Васильевича Репина и его жены Татьяны Степановны, урожденной Бочаровой.

В начале XIX века Чугуев был маленьким провинциальным городком. Это был центр военных поселений в восточной Украине — как Красноград, Купянск, Балаклея и Пятницкое. И хотя средств для таких поселений царское правительство выделяло

немало, казаки в военные поселенцы шли неохотно, поскольку не особо жаловали муштру, из-за чего, собственно, и взбунтовались в 1817 году. Среди непокорных поселенцев был и дед Репина. Художник невероятно гордился этим фактом и сравнивал себя с Тарасом Шевченко, дед которого принимал участие в Колиивщине.

Военными поселенцами в те годы называли людей, которые в мирное время крестьянствовали на земле, но при первой же необходимости должны были встать под ружье. Позже художник, говоря о своем происхождении, отмечал, что «военные поселенцы были людьми презираемыми и находились на положении рабов».

Отец будущего великого художника, Ефим Васильевич, служил рядовым Чугуевского уланского полка. Он исполнял обязанности фуражира и квартирмейстера — размещал военных на квартиры, снабжал провиантом. В составе Чугуевского полка Ефим Репин объехал Персию, Турцию, Молдавию, Кавказ и Крым, получил боевые награды. После 27 лет военной службы он ушел в отставку.

Его сын Илья родился в Чугуеве в бабушкином доме. Когда Северский Донец изменил свое русло, дом этот затопило, и Репины переехали на Никитинскую улицу (сегодня здесь музей-усадаба великого художника). Вообще дома

военных поселенцев были настолько одинаковыми, что Илья Ефимович, вспоминая свое детство, шутил, что даже голуби часто ошибались и залетали в соседние дворы.

Но дом Репиных считался, в общем-то, богатым, потому что хлебопашеством они не занимались, а состояли на положении торговцев и промышленников: у них был постоянный двор.

В своих воспоминаниях Илья Ефимович пишет, что домом правила бабушка. Замотанная в черный платок, из-под которого виден был только бледный крупный нос, она с раннего утра уже ворчала и бранилась с работниками и работницами, переворачивая проветривавшиеся кадки и громадные чугуны.

Вокруг большого светлого двора громоздились сараи, заставленные лошадьми и телегами заезжего люда. Днем широкие ворота на улицу оставались открытыми, и через них поминутно въезжали и выезжали проезжие люди. Они останавливались на дворе или в сараях и хозяйничали у своих телег: подпирали дугами, снимали колеса и подмазывали их дегтем. Хозяин, Ефим Васильевич, занимался торговлей лошадьми и в домашние дела не вмешивался. Каждую весну он отправлялся в «Донщину» и приводил оттуда табун диких лошадей, которых затем перепродавал.

Маленький Илья очень любил одного из работников — Гришку Копьева и был совершенно счастлив, когда тот сажал его на лошадь и брал с собой на водопой. Мальчик сидел впереди него и замирал от страха, когда лошадь входила в глубокую воду: бездонная пропасть казалась ему ужасной. Но когда Илья видел в воде облака, он переставал бояться и с восторгом смотрел на брызги, которые во все стороны летели из-под копыт лошади.

Вообще невероятная красота коней потрясала маленького Илюшу: «Чудо! А какие красавцы! В яблоках! И как это яблоки точно разрисованы: яблоки, яблоки. А копытца! Фу ты! Как выступают! Вот красота!.. Картины! Ах, какие картины! Хвосты длинные, пушистые, белые, как серебро. Неужели это наши лошади? Я долго смотрел им вслед, пока не скрылись под горку, к мелкому песчаному месту у Волового парка...»

В цепкой памяти Репина осталась и детская история с новыми сапогами, подаренными ему отцом со словами: «Вот тебе! Надень-ка: не малы ли? Если малы, так их Ивану отдадим». Когда Илья надел сапоги, то что-то больно стало колоть его в пятки, но он терпел и ходил на цыпочках. «Что же ты кривишься? Что ты так поджимаешь ноги? — спросила сестра. — Тебе больно? Маменька, должно быть, ему малы сапоги!»

Оказалось, что в сапогах не были забиты гвозди. Отец удивился: «Как это он терпел! Смотри-ка, мать, даже гвоздики мокры от крови. Ну как же можно в них ходить!..»

Ефим Васильевич недолго жил с женой и детьми — его забрали в солдаты. Семья словно осиротела, жизнь стала совсем иной.

«...У нас было и бедно и скучно, и мне часто хотелось есть, — пишет в своих воспоминаниях Репин. — Очень вкусен был черный хлеб с крупной серой солью, но и его давали понемногу. Мы всё беднели».

Мать, стараясь хоть что-то заработать, стала шить шубы на заячьем меху. Из обрезков маленький Илья делал удивительных лошадок, а потом их сменили кони, вырезанные из бумаги. Эти фигурки дети наклеивали на оконные стекла, и проходящие мимо дети и взрослые останавливались у этих окон, чтобы получше рассмотреть животных. «Вот и нехитрое начало моей художественной деятельности, — замечает Илья Ефимович. — Она была не только народна, но даже детски простонародна. И Осиновка твердо утаптывала почву перед нашими окнами, засыпая ее шелухой от подсолнухов».

Однажды на рождественские праздники Илью навестил его двоюродный брат Трофим Чаплыгин, который работал мальчиком в мастерской у

портного для «господ военных». Он принес свои рисунки, краски и кисточки. Трофим даже знал названия всех этих красок: желтая — гуммигуд; синяя — лазурь; красная — бакан и черная — тушь.

«Красок я еще никогда не видал, — вспоминает Репин, — и с нетерпением ждал, когда Трофим будет рисовать красками. Он взял чистую тарелку, вывернул кисточку из бумажки, поставил стакан с водою на стол, и мы взяли Устину азбуку, чтобы ее некрашенные картинки он мог раскрашивать красками. Первая картинка — арбуз — вдруг на наших глазах превратилась в живую, то, что было обозначено на ней едва черной чертой, Трофим крыл зелеными полосками, и арбуз зарябил нам в глаза живым цветом; мы рты разинули. Но вот было чудо, когда срезанную половину второго арбузика Трофим раскрасил красной краской так живо и сочно, что нам захотелось даже есть арбуз, и когда красная краска высохла, он тонкой кисточкой сделал по красной мякоти кое-где черные семечки — чудо! чудо!»

Трофим оставил свои краски маленькому Илье, и тот стал рисовать сутками, с трудом отрываясь, когда его звали обедать. Но юного художника подводило здоровье: «...у меня пошла из носу кровь и долго шла, и ее долго не могли остановить, и я совсем побледнел. Помню, как кровь моя студнем застыла в глубокой тарелке, как

мне мочили холодной водой затылок и прикладывали к шее большой железный ключ от погреба; надо было еще поднимать высоко правую руку: кровь текла из левой ноздри. Оправился я кое-как только дня через три. Кровь перестала идти, и я сейчас же — за красочки. Но недолго я наслаждался: вдруг, к моему ужасу, большая красная капля капнула на мой рисунок, другая, третья, и опять полила, полила.

Ах, какая досада! Опять надо было сидеть смирно, поднявши голову, и правую руку держать вверх».

Мальчик серьезно заболел. Соседи говорили его матери: «Не жилец он у вас, Степановна, посмотрите, какие у него ушки бледные, и носик совсем заострился. Помрет... Это — верная примета, когда носик заострится, это уже не к житью...»

Одна из таких «сердобольных» соседок прямо сказала ребенку, что он умрет, и добавила: «А чего тебе бояться умирать? До семи лет младенец — отрастут крылышки и полетишь прямо в рай. Грехов у тебя нет, не то что мы, грешные, тут бьемся-колотимся. По тебе мы и голосить не будем. И за нас и за своих родителей там будешь Богу молиться».

Илья вдруг спросил, есть ли в раю бумага и краски и можно ли там будет рисовать? Он уже был

во власти того пронзительного, неизбежного и всеохватывающего желания, которое сделало его впоследствии великим художником.

И все же мальчик не умер. Через какое-то время ему стало легче и он тут же вернулся к рисованию и нарисовал куст розы — темную зелень листьев и яркие розовые цветы. За окнами была зима, а на бумаге цвело лето и говорило о том, что все еще впереди, все сбудется, мир прекрасен.

Настоящий праздник наступал для Илюши, когда он расписывал яйца к Пасхе. Позже Илья Ефимович признавался, что всегда вспоминал об этом священнодействии с трепетом. Он хорошо помнил, как выбирались свежие утиные или куриные яйца побольше, как затем в них делались два прокола — в остром и тупом конце, и сквозь эти маленькие дырочки медленно-медленно выпускалось все содержимое яйца. После этого яйцо долго чистилось пемзой, особенно куриное (утиные, по своей нежности и тонкости, требовали мало чистки), и, вычищенное, получало какую-то розовую прозрачность, и краска с тонкой кисточки приятно впитывалась в его сферическую поверхность. На одной стороне рисовалось Воскресение Христа, оно обводилось пояском какого-нибудь затейливого орнамента с буквами «Х.В.». На другой стороне можно было рисовать или сцену преображения, или цветы — всё, что

подходило к Великому дню. После окончания зарисовки этой тончайшей миниатюры на яйце оно покрывалось спиртовым белейшим лаком; в дырочки продергивался тонкий шнурок с кисточками и завязывался.

За такое произведение в магазине Павлова Илюше Репину платили полтора рубля. С какой осторожностью он нес свой ящичек, чтобы не разбить невзначай эти хрупкие писанки, переложенные ватой!

Увы, за столь ювелирную работу плата была совсем небольшой, но Илья был более чем доволен, настолько это было важно для семьи.

«Скучно и тяжело вспоминать про это тяжелое время нашей бедности, — признавался Репин. — Какие-то дальние родственники даже хотели выжить нас из нашего же дома, и маменьке стоило много стараний и много слез отстоять наши права на построенный нами для себя на наши же деньги дом... Все родные нас покинули, и некому было заступиться...»

Только с возвращением отца жизнь большого семейства Репиных наконец переменилась к лучшему. У Ефима Васильевича дела пошли хорошо, и благодаря этому Илья стал ходить в корпус топографов и начал учиться чистописанию.

Репин так описывает место своей учебы: «...после долгих ожиданий и мечтаний я попал,

наконец, в самое желанное место обучения, где рисуют акварелью и чертят тушью, — в корпус топографов; там большие залы были заставлены длинными широкими столами, на столах к большим доскам были прилеплены географические карты, главным образом частей украинского военного поселения; белые тарелки с натертой на них тушью, стаканы с водою, где купаются кисти от акварельных красок, огромные кисти... А какие краски! Чудо, чудо! (Казна широко и богато обставляла топографов, все было дорогое, первого сорта, из Лондона.) У меня глаза разбегались.

...По стенам висели также огромные карты: земного шара из двух полушарий, карта государства Российского, Сибири и отдельные карты европейских государств. Мне почему-то особенно нравилась карта Германского союза и Италии. Но больше всего мне нравилось, что на многих тарелках лежали большие плитки ньютоновских свежих красок. Казалось, они совсем мягкие: так сами и плывут на кисть».

Так начинался долгий путь гениального художника.

Три года мальчик учился в чугуевском корпусе военных топографов, старательно упражняясь в живописи, тщательно изучая натуру, тренируясь в рисунке.

С тех пор сохранилась лишь одна-единственная акварель, нарисованная им во время учебы, — «Вид на школу военных топографов в Чугуеве». Сегодня эта бесценная работа находится в экспозиции Третьяковской галереи.

С упразднением военных поселений школа военных топографов была закрыта, и Илья продолжил профессиональную учебу у местного иконописца И. Бунакова. Вместе с ним он расписал не одну церковь в соседних деревнях. Это была хорошая практика, а Репин всегда был прилежным и творческим учеником.

Позже Илья Ефимович вспоминал, что когда он еще мальчиком лет двенадцати-тринадцати копировал на железе икону Александра Невского у своего учителя живописца Бунакова, приехал некий академик немец Ленник из Полтавы — пригласить кого-нибудь из чугуевских живописцев для своих иконостасных работ. Зайдя в мастерскую, где работали два мастера — хозяин и Репин, — он стал нахваливать юного художника, уговаривать его, чтобы он отпросился у родителей и поехал с ним в Полтаву. «Я вас не оставит, я вас в Академию поместит... ваш не будет проиграль, выграль будет...»

И хотя Илье очень хотелось уехать, чтобы учиться дальше, он понимал, что для настоящей

высокопрофессиональной учебы время еще не пришло.

Через два года, почувствовав способность самостоятельно работать уже на правах мастера, пятнадцатилетний подросток ушел от Бунакова. За спиной у него были первые рисовальные уроки у Трофима Чаплыгина, создание пасхальных писанок для магазина Павлова, многочисленные рисунки, церковные росписи.

Молодой Репин быстро рос в творческом плане — он был талантлив и очень много работал. Но стоит признать, что не оставляла его и госпожа Удача. Позже художник писал: «Мне было пятнадцать лет, и тогда уже так же везло, как и впоследствии: я всегда был скоро отличаем, и моя благодетельная судьба не скупилась одаривать славой мои труды в искусстве. Часто мне даже совестно становилось за незаслуженность моего счастья».

Заслуженным или незаслуженным было это счастье — не нам судить... Понятно, что ничего случайным не бывает. Да, была удача, но был и самоотверженный труд, жажда самосовершенствования, способность отказаться от всего остального в пользу творчества.

За четыре года самостоятельной работы Репин написал множество портретов родных и знакомых, участвовал в росписи Малиновской церкви, работал

на иконописных работах в Купянском уезде и в Воронежской губернии. Он показал себя наблюдательным художником, для которого правда жизни превышает всего. Он считался в Чугуеве самостоятельным мастером, и случалось, что за ним приезжали подрядчики за сто-двести верст и звали на работу «в отъезд». Роспись церквей и иконостасные образа были весьма востребованными, правда, платили за них мало, а подрядчики часто прогорали, потому что их было слишком много.

К 1859 году у мальчика была одна мечта — поехать в Петербург в Академию художеств: «...меня разбирали опять и опять мечты о Петербурге... Хотелось даже плакать от тоски... Да полно, есть ли он на свете, этот Петербург? Может быть, это все одни рассказы». Он потратил много сил, чтобы вырваться из бедности и завоевать себе право учиться дальше. Заработав деньги на дорогу в Петербург, в 1863 году Илья покидает родину, чтобы осуществить свою мечту. Но навсегда, на всю жизнь сохранил художник любовь к тем местам, где он родился и вырос. Позже в переписке с Львом Толстым Репин напишет: «Здесь, в Чугуеве, — я так наслаждаюсь красотами природы!! Что за диво!!! И я никогда не предполагал, что я родился и провел детство,

отрочество и юность среди такой необыкновенной и грандиозной природы!»

Вот как вспоминает художник места своей молодости: «В то время Чугуев начал сильно процветать и богатеть. Летом на царские маневры съезжалось туда много господ не только из столиц, больших ближайших городов, но также и из помещичьих имений, где каждый неограниченный повелитель своих деревень, иногда многих тысяч душ, устраивался дома по-царски, а в городе занимал лучшие дома под постоянные квартиры, задавал пиры и, следовательно, давал шибко торговать купцам самых лучших магазинов. И лавки наши все увеличивались в числе и щеголяли лучшими продуктами.

Мастерские всех родов и статские и военные портные были завалены работой. Ночи напролет многие места Чугуева и его окрестности оглашались звуками музыки бальных оркестров, большею частью в садах на танцевальных «ротондах».

Да, в Чугуеве жилось весело: даже в самых бедных и многочисленных (как же иначе?) помещичьих дворянах часто слышалась повторяемая крепостными на разные лады пословица: «Хоть есть нечего, так жить весело».

Лично моя жизнь этого времени была также самая веселая. Подростком, за компанию с сестрою,

я попадал на балы и вечера молодежи, на маевки в самое цветущее время весны в Староверском лесу, с хорами трубачей. Дикий терн, дички груши, черешни и вишни — все сады бесконечного южного склона от Осиновки и Пристена до самых «Матерей», облитые, как молоком, обильными букетами цветов, — все улыбалось нашим весельям вскладчину.

Нашим излюбленным местом был Староверский лес, по южному склону к Донцу.

...Детьми лет пять ранее мы целой оравой пировали свои пиры в заповедных тенистых прохладах Староверского леса. Приносили с собой пирожки и всякие домашние лакомства, запивали их медом, разведенным на ключевой воде староверской криницы...»

Деньги на поездку в Петербург появились благодаря работе на Луганщине — Репина пригласили в село Сиротино Троицкого района для росписи иконостаса церкви Введения Богородицы в храм. Искусствоведы считают, что Илья Ефимович оставил после себя в Сиротино большое творческое наследие. Поскольку жалованье ему, как и другим художникам, выдавали редко, а жить на что-то надо было, он подрабатывал в свободное время тем, что писал под заказ местных крестьян небольшие иконки-образки.

В своей автобиографической книге «Далекое близкое» Илья Ефимович очень тепло и сердечно говорит о пребывании в Сиротино, о людях, с которыми там познакомился и подружился. «В Сиротине я имел успех со своими образами, — вспоминал он. — Я пользовался, конечно, необходимыми указаниями и канонами, по которым пишется всякое изображение святых или целых сцен (у каждого живописца сундучок наполнен гравюрами), и был поощряем доверием и интересом всего прихода и даже своего подрядчика, который хвалил меня не только из собственной заботы об успехе общего порядка, но и потому, что действительно любил живопись и сам был живописцем не без способностей.

Все мужики, и особенно староста Семен, побывали у меня на лесах и даже вблизи подолгу разглядывали мои образа, каких они прежде никогда не видывали. А я, подбадриваемый вниманием, ощутил в себе большую смелость и свободу творчества, и кисти мои вольно играли священными представлениями: я позволял себе смелые повороты и новые эффектные освещения сцен и отдельных фигур. Свежесть и яркость красок, необычная в религиозной живописи, была для меня обязательна, так как мои образа публика видела только снизу, на расстоянии трех-пяти сажен. Видевшие же работу близко у меня на лесах

еще более дивились: как это издали «оказывается» так тонко и хорошо, хотя вблизи другое».

Особенный успех имела репинская «Мария Магдалина». Публику буквально очаровывали заплаканные глаза Магдалины.

В огромной работе над иконостасом принимало участие много мастеров, и Репин сумел со всеми подружиться. Хотя народ был разный — кто талантливый, а кто и откровенно бездарный. Одного из мастеров, успевшего поработать в Академии художеств, Репин тайком подправил. Старый мастер заметил репинскую «правку», но одобрил ее.

Илья работал с увлечением, забывая обо всем. Он даже как-то едва не упал с высоченных лесов на каменный пол церкви, когда писал «Святую Троицу», потому что у него была привычка отскакивать во время работы от изображаемого, чтобы посмотреть на него со стороны.

В Сиротино Репин приобрел бесценный опыт самостоятельной, большой работы.

К сожалению, судьба сиротинских икон художника, впрочем как и самой церкви, в которой он работал, печальна. Церковь разрушили во время Великой Отечественной войны и на этом месте построили военный аэродром. Иконы из нее передали местным крестьянам для хранения. Только некоторые из них сбереглись до наших

дней, в частности иконы «Вознесение» и «Иисус в терновом венце».

Репин поступил в Академию в самом начале 1864 года, а окончил ее осенью 1871 года. За это время он трижды посетил Чугуев. Но первые три года Илья вообще не мог отлучиться из Петербурга — он сэкономил деньги. Лишь в 1866 году молодой художник, уже имевший немного свободных денег, отправился в дальнюю поездку. В родной город Репин вернулся с серебряной медалью и со званием «свободного художника».

Первые шаги в Петербурге были непростыми для него — он неуютно чувствовал себя «в холодном море жизни большого города, кишашего в каком-то бурном водовороте». Молодому человеку было страшно, как никогда в жизни, его давило жуткое одиночество в далеком, совершенно незнакомом месте. Но «Рубикон был перейден», и возврата назад не было.

Поначалу Репин поступил в рисовальную школу — там можно было заниматься только два вечера в неделю и утро воскресенья, в отличие от Академии художеств, где занятия шли каждый день с утра и до семи часов вечера.

Позже Илья Ефимович вспоминал, что главным лицом в рисовальной школе был директор Дьяконов. Высокий старик с белыми курчавыми волосами не останавливаясь величественно

проходил иногда из своей директорской комнаты куда-то через все классы. Лицо его было так серьезно, что все замирали в семи классах и глядели на него. Одет он был во все черное, очень чисто и богато.

Об учителях рисовальной школы Репин отзывался восторженно: «У нас два учителя — Церм и Жуковский. Несколько рисунков Церма висят на стенах как оригиналы для подражания. Они нарисованы с таким совершенством великолепной техники и чистоты отделки, что на них всегда глазеют ученики, не оторвать глаз — дивная работа. Нигде не притерто: так чисто рассыпаются красивые штрихи, такая сила в темных местах...

Неужели это простыми руками на бумаге человек мог сделать! Какая чистота!!!

Вот, вероятно, про такие рисунки писал Персанов Яше Логвинову в Чугуев: «Рисуют — как печать». Да это лучше самой печати: я таких эстампов не видал еще. Чудо! Великолепно!..»

Молодой художник пытался подражать Церму, но безуспешно: ему казалось, что его собственные рисунки выглядели как будто грязнее и хуже. Неверие в собственную исключительность и гениальность, сомнение в своем законном первенстве осталось, в общем-то, в Репине навсегда. Он любил называть себя

«посредственным тружеником» и всю жизнь ежедневным каторжным трудом отработывал свое громкое имя.

А пока Илья Ефимович самозабвенно работает, первый раз в жизни рисуя на бумаге — раньше ведь он писал иконы, образа, рисовал контуры с эстампов. Вскоре после поступления Репина в школу и недолгого рисования в классе орнаментов и масок наступил рождественский перерыв в занятиях. Все, что ученики рисовали в классах, оценивалось строгими учителями. Сначала Илья не нашел своей фамилии в списке. Но потом оказалось, что она стояла первой, а он от волнения просто ее не заметил.

Нельзя не отметить, какую роль в образовании Репина сыграл знаменитый русский художник Иван Николаевич Крамской.

Их первая встреча произошла в рисовальном классе. Позже Илья Ефимович вспоминал, что он увидел худощавого человека в черном сюртуке, входившего твердой походкой в класс, и никак не мог поверить, что это именно Крамской, ведь он представлял его себе совсем другим.

Худое скуластое лицо, черные гладкие волосы до плеч, жидкая бородка — так выглядел в то время Крамской. «Какие глаза! — восторгался Репин. — Не спрячешься, даром что маленькие и сидят глубоко во впалых орбитах; серые, светятся. Вот он

остановился перед работой одного ученика. Какое серьезное лицо! Но голос приятный, задушевный, говорит с волнением... Ну и слушают же его! Даже работу побросали, стоят около, разинув рты, видно, что стараются запомнить каждое слово».

Остановившись перед работой Репина, Крамской заметил: «А, как хорошо! Прекрасно!» Потом поинтересовался: «Вы в первый раз здесь?» Затем он перешел к подробностям рисунка, отметил ошибки, дал Репину свой адрес и пригласил побывать у него.

Через несколько дней вечером Илья отправился на квартиру Крамского на Васильевском острове. Он позвонил, и ему ответили, что хозяина нет дома, но что через час он, вероятно, будет. Коротая время, Илья Ефимович бродил по бульвару Седьмой линии в надежде встретить Крамского, идущего домой. Потом он еще раз позвонил, но хозяина по-прежнему не было. Наконец, в третий раз его встретил Крамской и, улыбаясь, заметил: «А, знаю, знаю, вы приходили уже два раза. Это доказывает, что у вас есть характер — добиться своего».

Несмотря на позднее время, Крамской предложил Илье попить чаю и поговорить. За чаем он оживился, стал говорить о Христе. «Сначала я плохо понимал его, — признавался Репин. — Мне очень странным казался тон, которым он начал

говорить о Христе: он говорил о нем, как о близком человеке. Но потом мне вдруг стала ясно и живо представляться эта глубокая драма на земле, эта действительная жизнь для других. «Да, да, конечно, — думал я, — ведь это было полное воплощение Бога на земле». И далее я был совершенно поражен этим живым воспроизведением душевной жизни Христа. И казалось, в жизнь свою я ничего интереснее этого не слышал. Особенно искушение в пустыне».

Илья был глубоко потрясен беседой и долго оставался под впечатлением этого вечера. Он стал частым посетителем в доме Крамского. «Крамской бывал всегда так разнообразен и интересен в разговорах, что я часто уходил от него с головой, трещавшей от самых разнообразных вопросов, — вспоминал Илья Ефимович. — По вечерам он обыкновенно что-нибудь рисовал черным соусом: большею частью это были заказные портреты с фотографий».

Сдав осенью 1864 года вступительные экзамены, Репин поступил в Академию художеств. «Цепкость» молодого живописца, сумасшедшее трудолюбие и мечта о получении хорошего образования сделали его образцовым студентом. Первый год обучения Илья назвал «медовым годом счастья». За долгие годы мечтаний, стремлений, отчаяния он наконец попал в желанную среду,